

КАМАНТЕ И ЛУЛУ

Ферма Нгонг

Я владела фермой в Африке, у подножия нагорья Нгонг. Поблизости, всего в ста милях к северу, проходит экватор. Сама ферма располагалась на высоте более шести тысяч футов над уровнем моря. В разгар дня там создавалось впечатление излишней близости к солнцу, зато раннее утро и вечера были прозрачны и приносили облегчение, а ночами бывало даже прохладно.

Благодаря географическому положению и высоте местные пейзажи не имеют себе равных в целом свете. Они совершенно лишены избыточности и пышности: это Африка, пропущенная сквозь фильтр толщиной в шесть тысяч футов, незамутненная сущность континента. Все краски были там сухими, выгоревшими, как на глиняной посуде, листва на деревьях — легкой и воздушной, совсем не европейской: она не образовывала куполов и не тянулась вверх, а располагалась горизонтальными слоями. Высокие деревья, стоящие каждое само по себе, походили благодаря этому то на пальмы, то на романтические парусники, свернувшие в преддверии героической битвы все свои паруса; опушка зарослей выглядела загадочно: она всегда чуть заметно вибрировала. Из травы бескрайних саванн торчали здесь и там голые корявые стволы колючих де-

ревьев; сами травы источали аромат тимьяна и восковницы, местами настолько сильный, что от него щипало в ноздрях. Все цветы в саванне и на ползучих побегах, обвивающих стволы в лесу, были мелкими, совсем не тропическими, и только в начале сезона дождей на равнинах раскрывались крупные, издающие тяжелый запах лилии. Главной составляющей ландшафта был бесконечный простор. Все дышало величием, свободой, ни с чем не сравнимой горделивостью.

Местные пейзажи и сама жизнь до краев насыщены воздухом. Вспоминая африканские нагорья, ловишь себя на поразительном ощущении, что какое-то время парила в воздухе, а не ходила по земле. Небеса там почти всегда сохраняли бледно-голубой или бледно-лиловый цвет, с величественными, но невесомыми, непрерывно меняющими форму облаками, выстраивающимися в грандиозные башни или скользящими за горизонт; однако небо всегда оставалось залито лазурным свечением, благодаря чему цепочки гор и стена джунглей приобретали свежую темно-синюю окраску. В разгар дня небо светилось и полыхало; от него, как от бегущей воды, волнами расходились лучи, заставлявшие двоиться все предметы и рождавшие величественную фата-моргану. На этих возвышенностях легко дышится, душа наполняется уверенностью и легкостью. Человек просыпается там утром с мыслью: «Именно здесь мое место».

Горы Нгонг представляют собой длинный хребет, протянувшийся с севера на юг и увенчанный четырьмя величественными вершинами, напоминающими темно-синие волны, взметнувшиеся в небеса и так застывшие. Эти пики достигают высоты восьми тысяч футов над уровнем моря и в своей восточной части высятся на пару тысяч футов над окружающим

ландшафтом. На западе же разверзается пропасть: там горы вертикально обрываются; дальше раскинулась Большая рифтовая долина.

Ветер на возвышенности постоянно дует в одном и том же направлении — с северо-северо-востока. Именно этот ветер получил на берегах Африки и Аравии наименование муссона, то есть восточного ветра, всегда сопутствовавшего царю Соломону. Здесь, на высоте, он ощущается просто как сопротивление воздуха, словно земная твердь рвется из-под ваших ног на штурм пространства.

Ветер ударяет прямо в склоны возвышенности, которые были бы идеальным местом для взлета планера: воздушные потоки помогали бы ему взмывать в небо, оставляя внизу горные вершины. Облака, переносимые ветром, кружат вокруг возвышенности либо, засевав на верхушке горы, проливаются дождем. Те, что проплывают выше и оказываются недостижимы для горных кряжей, относит дальше на запад, к выжженной пустыне рифтовой долины. Сколько раз я наблюдала с порога своего дома за этими величественными процессиями, восторгаясь тем, как они, перевалив через вершины, тают в синем воздухе!

Для наблюдателя с фермы горы несколько раз на протяжении дня меняли свое обличье: иногда казалось, что они приблизились вплотную, иногда — что отошли очень далеко. В скоротечных вечерних сумерках при первом взгляде в их сторону мерещилась тонкая серебристая полоска, окаймляющая темный силуэт горной цепи; с наступлением кромешной тьмы все четыре вершины словно сглаживались, распластывались, готовясь к ночному отдыху.

С нагорья Нгонг открывается неподражаемый вид: на юге простираются до самой Килиманджаро

бескрайние равнины, кишашие дичью, к востоку и северу — похожий на ухоженный парк ландшафт, предгорья, покрытые лесами, а также холмистая местность — резервация племени кикую, протянувшаяся до горы Кения в сотне миль отсюда. Резервация предстает издали мозаикой маленьких квадратиков кукурузных полей, банановых плантаций и пастбищ; там и сям поднимаются дымки — это готовится еда в туземных деревеньках, состоящих из островерхих глиняных построек. Зато на западе, далеко внизу, простирается безжизненный лунный пейзаж — бурая пустыня с крапинками кустарников и выющимися речными руслами, похожими сверху на темно-зеленые борозды. Вдоль русел растут кактусы и высокие акации с раскидистыми ветвями, усеянными острыми шипами; там обитают жирафы и носороги.

Само нагорье тоже предстает, стоит в него углубиться, необъятной, живописной и загадочной страной: здесь хватает и длинных узких долин, и чащоб, и зеленых склонов, и каменистых уступов. Выше в горах, под одной из вершин, имеется даже бамбуковая роща. Я часто устраивала там привалы у бесчисленных ручьев и источников.

При мне на этих склонах еще водились буйволы, антилопы канны и носороги; старейшие из африканцев помнят времена, когда здесь встречались слоны, и я очень жалела, что весь хребет Нгонг не был в свое время объявлен заповедником. К заповеднику была присоединена только небольшая его часть, о чем свидетельствовал столбик на южной горе. Когда колония добьется процветания и Найроби, ее столица, вырастет в крупный город, горы Нгонг могли бы превратиться в замечательные пригородные уголья. Однако в последние годы моей жизни в Африке столичная

молодежь завела привычку ездить туда по воскресеньям на мотоциклах и палить во все, что только попадется на глаза, поэтому крупная дичь наверняка откочевала дальше на юг, в заросли кустарника и на каменистые равнины.

По горам, даже по четырем главным вершинам, было нетрудно совершать прогулки: трава там была низкая, как на лужайке, и в ней лишь изредка попадались валуны. Вдоль хребта тянулась узкая звериная тропа. Стоя лагерем в горах, я как-то утром поднялась туда и немного прошлась по тропе, где недавно, судя по свежим следам и помету, брело стадо антилоп канн. Эти крупные мирные животные побывали на рассвете на краю хребта и вытянулись на тропе в длинную цепочку. Трудно себе представить, чтобы их привело туда что-либо еще, кроме желания взглянуть сверху на земли, лежащие внизу.

На моей ферме возделывался кофе. На такой высоте заниматься этой культурой не принято, и требовалось усиленно трудиться, чтобы получать урожай; разбогатеть на подобной ферме было невозможно. Но кофейная плантация — занятие, способное увлечь накрепко и навсегда, тем более что скучать на ней не приходится: мы всегда отставали и торопились наверстать упущенное время.

В этой дикой и необустроенной стране ухоженный и засаженный по всем правилам участок земли смотрится отменно. Позднее, когда я стала летать над Африкой и узнала, как выглядит моя ферма с высоты, я прониклась восхищением к собственной кофейной плантации, зеленеющей среди серо-оливковых просторов, и осознала, насколько импонирует человеческому глазу строгая геометрия регулярных форм. Вся местность вокруг Найроби, особенно к северу от города, ис-

пользуется сходным образом; там проживают люди, постоянно размышляющие и ведущие беседы о посадке, подрезке, сборе кофе и даже ночами ломающие голову, как усовершенствовать свои кофейные предприятия.

Выращивание кофе — долгий труд. Все получается впоследствии совсем не так, как вы это себе представляете, когда в молодости, полные надежд, перетаскиваете под ливнем поддоны с блестящей от влаги кофейной рассадой из питомника, а потом наблюдаете, как ваши работники высаживают растеньица в вырытые во влажной земле аккуратные ямки; вам предстоит укрывать их ветками кустарника, ибо детство им положено проводить в темноте. Пройдет четыре или пять лет, прежде чем растения начнут плодоносить, а вы за это время познакомитесь с засухой, болезнями, местным сорняком, густо покрывающим плантацию, именуемым за вредность «дубинкой» и цепляющимся к платью и чулкам. Некоторые из кофейных деревьев с самого начала были посажены неверно, с погнутыми стержневыми корнями: они гибнут, как только зацветают. На одном акре плантации помещается чуть больше шестисот деревьев, а у меня было отведено под кофе шестьсот акров. Мои быки волокли окучники вверх и вниз, преодолевая по междурядьям в общей сложности многие тысячи миль в терпеливом ожидании поощрения.

Порой кофейная плантация выглядит очень красиво. В начале сезона дождей деревья зацветают. Это восхитительное зрелище: кажется, что на промокшую от ливней землю на площади в шестьсот акров опустилось белое облако. Цветки кофе обладают тонким, немного горьковатым запахом, напоминающим запах цветков терновника. Потом, когда все поле становится красным от созревших ягод, местные женщины

со своими детьми, которых матери и все остальные называют просто Тото, приступают к уборке урожая, в чем им помогают мужчины; в телегах и тачках урожаи переправляется на кофесушилку ниже по реке. Оборудование у нас всегда было несовершенным, но фабрику мы спроектировали и построили самостоятельно и очень ею гордились. Один раз она полностью сгорела, и нам пришлось строить ее заново. Огромная кофесушилка крутилась не переставая, перемешивая в своем стальном чреве кофейные зерна с рокотом, напоминающим рокот гальки на морском берегу. Иногда высохшие ягоды приходилось извлекать из сушилки глубокой ночью.

То была живописная картина: многочисленные керосиновые лампы, освещающие просторное помещение вместе с паутиной и кофейной шелухой и сияющие черные лица. В такие моменты трудно было не сравнить сарай сушилки, затерявшийся в непроглядной африканской ночи, со сверкающим бриллиантом в ухе эфиопа. Далее кофе вручную лущили, сортировали, ссыпали в мешки и зашивали седельной иглой.

Завершалось все ранним утром, еще до рассвета: лежа в кровати, я слышала, как тяжелые фургоны, нагруженные мешками с кофе и влекомые шестнадцатью быками каждый, начинают под крики погонщиков свой скрипучий путь к Найроби. Мне была приятна мысль, что небольшой подъем им предстояло преодолеть только в начале пути, а дальше дорога шла под уклон, ибо ферма лежала на тысячу футов выше города. Вечером я встречала процессию, возвращавшуюся назад; усталые быки из последних сил волокли пустые фургоны, подчиняясь выдохшимся Тото и утомленным погонщикам. Цель была достигнута: через день-другой кофе окажется на океанском

берегу, а дальше нам только оставалось уповать на удачу на Лондонской товарной бирже.

Общая площадь моих владений достигала шести тысяч акров, и кофейная плантация занимала меньшую их часть. На одном куске моих земель продолжал расти девственный лес, еще тысяча акров была отведена под участки арендаторов, которые сами они именовали шамба. Каждый из этих африканцев крестьянствовал с семьей на нескольких акрах земель белого хозяина и в качестве платы работал на него определенное число дней в году. Полагаю, что мои арендаторы подходили к ситуации иначе: многие из них родились на ферме, как до них — их отцы, и скорее всего, рассматривали саму меня как могущественную арендаторшу их владений.

На их землях кипела более бойкая жизнь, чем на остальной ферме, которая сильно менялась от сезона к сезону. Сначала вытягивалась выше человеческого роста упругая кукуруза, после ее уборки созревали бобы, которые собирали и лущили женщины, чтобы потом сжечь прямо на борозде стебли и стручки, так что в определенные месяцы моя ферма курилась бесчисленными столбами дыма. Кикуйю выращивали также сладкий картофель, зелень которого стелется по земле, как вьюн, превращаясь в плотный ковер, и многочисленные сорта крупных желтых и зеленых крапчатых тыкв.

Первое, что бросается в глаза при всякой прогулке по шамба кикуйю, — это задранный зад чернокожей старухи, ковыряющейся в земле и напоминающей при этом страуса, прячущего голову в песок. Каждая семья кикуйю занимает несколько маленьких островерхих круглых хижин и сараев; вся их жизнь протекает на пространстве между этими постройками, где

земля утрамбована до состояния бетона. Здесь толкут кукурузу, доят коз, здесь носятся дети и куры. В полях сладкого картофеля вокруг арендаторских хижин я часто охотилась под вечер на пернатую дичь, вникая в птичьим трелям из крон высоких деревьев, которые остались кое-где стоять среди шамба, напоминая о том, что когда-то здесь рос лес.

В дополнение к кофейным плантациям и арендаторским полям на моей ферме было две тысячи акров пастбищ. Под сильным ветром высокие травы ходили волнами, как в море; здесь маленькие пастушки-кикуйю пасли отцовских коров. В прохладный сезон они захватывали из хижин тлеющие угли в плетеных корзинках, что порой приводило к пожарам, уничтожившим значительную часть травостоя. В засуху на пастбища фермы приходили зебры и канны.

Ближайшим городом был Найроби, лежащий на плоской равнине среди холмов. До него от нас было двенадцать миль. Там работал губернатор, размещались главные учреждения; оттуда велось управление страной.

В жизни любого человека обязательно играет большую роль какой-нибудь город. Неважно, какого вы о нем мнения — хорошего или дурного: он все равно вас притягивает. Таков закон умственной гравитации. Зарево в небе над городом, которое я могла наблюдать с некоторых точек фермы, наводило меня на будоражащие мысли, напоминая о больших городах Европы.

Когда я впервые появилась в Африке, там еще не было машин. Мы приезжали в Найроби верхом или пересаживались за шесть миль от города в экипаж, оставляя коней в конюшнях «Хайлэнд Транспорт». Тогда Найроби производил пестрое впечатление: наряду с нарядными каменными зданиями там громоз-

дились целые кварталы трущоб из ржавого железа, где теснились и магазины, и учреждения, и жилые дома. Вдоль голых пыльных улиц стояли ряды эвкалиптов. Суд, департамент по делам африканцев, ветеринарная служба ютились в безобразных помещениях, так что я испытывала глубокое уважение к чиновникам, которым удавалось хоть что-то делать, работая в этой тесноте и пекле.

Но так или иначе Найроби был городом: здесь можно было сделать покупки, узнать новости, пообедать или поужинать в отеле, потанцевать в клубе. Это было место, полное жизни: оно кипело, как река, и росло, как ребенок, меняясь год от года. Стоило уехать надолго — в Европу или на охоту, как в городе появлялось что-нибудь новенькое: величественное здание губернаторской резиденции (внутри которой властвовала прохлада, имелись бальный зал и очаровательный сад) или новые вместительные гостиницы; проводились сельскохозяйственные ярмарки, выставки цветов; колониальный свет обсуждал очередную скоротечную мелодраму. Найроби как бы уговаривал всякого: «Пользуйся временем и мной вовсю. При всей моей хищной необузданности — не зевай!» В целом мы с Найроби достигли взаимопонимания; однажды, проезжая по городу, я подумала: «Без улиц Найроби не существует мира».

В сравнении с европейским городом кварталы африканцев и цветных иммигрантов занимали гораздо большую площадь. Район суахили, который приходилось пересекать, направляясь в клуб «Мутаига», пользовался дурной репутацией, но при своей замусоренности был оживленным и ярким местом, где в любое время происходило что-нибудь завлекательное. Главным строительным материалом здесь были расплю-

щенные канистры из-под керосина разной степени проржавленности, напоминающие коралловую колонию, и весь этот район провозглашал своим грохотом и многоцветьем победное наступление цивилизации.

Район, где обитали сомалийцы, располагался на некотором удалении от Найроби, что объяснялось, думаю, затворничеством, в котором они предпочитают содержать своих женщин. При мне там жили несколько молоденьких сомалийских красавиц, имена которых были известны всему городу, избравших резиденцией окрестности базара и водивших за нос всю городскую полицию, проявляя находчивость и успешно пользуясь своим непобедимым очарованием. Однако честных сомалиек встретить в городе было невозможно. Поселение сомалийцев лежало, открытое всем ветрам, пыльное, полностью лишенное тени; видимо, оно напоминало сомалийцам их родные пустыни.

Европейцы, живущие подолгу, иногда на протяжении нескольких поколений на одном месте, не в состоянии постичь, как этим кочевникам удастся проявлять подобное безразличие ко всему, что окружает их жилища. Дома сомалийцев разбросаны как попало на выжженной земле и выглядят так, словно их наспех сколотили длинными гвоздями не больше чем на неделю. Велико же удивление, которое испытывает любой гость, обнаруживая внутри такой лачуги чистоту, свежесть, аромат арабских благовоний, мягкие ковры и подвески, сосуды из бронзы и серебра, мечи благородного изгиба в ножнах с инкрустациями из слоновой кости. Сомалийки ведут себя с достоинством, но в то же время учтиво, проявляют гостеприимство и жизнерадостность, их смех подобен звону серебряных колокольчиков.

Я чувствовала себя в сомалийской деревне, как дома, благодаря моему слуге-сомалийцу Фараху Адену,

с которым была неразлучна на протяжении всего своего пребывания в Африке. Я неоднократно посещала их праздники и лучше всего запомнила большую сомалийскую свадьбу — великолепное традиционное действо. В качестве почетной гостьи я была допущена в покои новобрачной, где и стены, и ложе были убраны мерцающим старым шитьем, а сама юная темноглазая невеста сидела прямо и неподвижно, опустив тяжелые ресницы, напоминая исходящим от нее золотым сиянием маршалский жезл.

Сомалийцы вели по всей стране торговлю скотом и всем прочим. Для перевозки своих товаров они пользовались маленькими серыми осликами и верблюдами — величественными, неприхотливыми созданиями пустыни, не подверженными земным напастям, как кактусы и сама страна Сомали.

Сомалийцы навлекают на самих себя беды своими свирепыми племенными распрями. Их чувства и рассуждения по этой части отличаются от соображений всех остальных людей. Мой Фарах принадлежал к племени хабр юнис, поэтому мне приходилось принимать сторону его народа в многочисленных межплеменных дрязгах.

Однажды в поселении сомалийцев произошла нешуточная стычка между представителями двух племен — дулба хантис и хабр чаоло, вылившаяся в ружейную пальбу, пожары и гибель то ли десяти, то ли двенадцати человек. Спокойствие было восстановлено только благодаря вмешательству правительственных сил. У Фараха был тогда молодой друг-соплеменник по имени Саид, часто навывавшийся к нему на ферму, очень милый молодой человек. Меня страшно расстроил рассказ слуг о том, что Саид находился в гостях у одной семьи из племени хабр чаоло, когда пробежавший мимо представитель племени дулба хантис

дважды выпалил в дыру в стене дома и попал Саиду в ногу. Я принялась было утешать Фараха, только что узнавшего о беде своего друга, но тот мстительно вскричал: «Что? Саид? Поделом ему! Нечего было пить чай в доме хабр чаоло!»

В суетливых африканских кварталах Найроби, окружавших базар, преобладали индусы. Удачливые индийские торговцы возводили себе в ближайших пригородах виллы, называвшиеся именами их владельцев: Джеванджи, Сулейман Вирджи, Алладин Висрам. Все они обязательно строили на виллах каменные лестницы, балюстрады, ставили массивные вазы, но все это было не очень искусно вырезано из хрупкого местного камня и больше походило на недолговечные детские шалости. Индусы устраивали в своих садах званые чаепития, подавая индийские сладости. Это были умные, учтивые люди, повидавшие свет. Однако африканские индусы — прежде всего хваткие торговцы, поэтому, общаясь с любым из них, никогда не знаешь наверняка, с кем имеешь дело — просто с любезным человеком или с главой торгового дома. Я бывала в доме Сулеймана Вирджи, поэтому, увидев однажды над его складами приспущенный флаг, спросила у Фараха:

— Неужели Сулейман Вирджи умер?

— Наполовину умер, — ответил мне Фарах.

— Разве флаг приспускают, когда человек умер только наполовину?

— Умер Сулейман, — последовал ответ Фараха, — но не Вирджи.

До того как взять на себя управление фермой, я была привержена охоте и часто принимала участие в сафари. Потом, став фермершей, я отложила ружья.

Соседями фермы были маасаи — кочевое скотоводческое племя, обитавшее за рекой. Время от времени